

Текст · 18 февраля 2019, 08:30

Оля Ромашова,

«Я не буду вашей, извините, сукой оперской». Рассказ заключенной, проведенной 11 лет в мордовских лагерях

В 2004 году Таганский районный суд Москвы признал 43-летнюю Ульяну Хмелеву виновной в сбыте наркотиков и покушении на него (пункт «б» части 2 статьи 228.1 УК и часть 3 статьи 30, пункт «г» части 3 статьи 228.1 УК), а также в хранении 5 кг порошка, в составе которого нашли героин и другие наркотические вещества (часть 2 статьи 228 УК).

Этот приговор был отменен Мосгорсудом, но в 2006 году суд снова признал Хмелеву виновной и приговорил ее к 14 годам заключения. Три года она провела в СИЗО, еще 11 — в мордовских колониях.

Ульяна Хмелева настаивает на своей невиновности. Она говорит, что ее дело сфабриковано полицейскими из отдела по борьбе с организованной преступностью оперативно-розыскной части №3 Западного округа Москвы. По словам Хмелевой, из-за запутанной ситуации после задержания проданной ее мужем машины она стала оказывать помощь полицейским и неожиданно узнала, что оперативники сами связаны с поставками героина. Она сообщила об этом в Госнарконтроль — и чтобы отомстить ей и прикрыть себя, полицейские организовали ее уголовное преследование.

«Это ад моральный для души»

Я отсидела 14 лет, весь срок, вот освободилась и хочу реабилитации. Настолько обидно все. Просто по вымышленным эпизодам взяли и посадили.

Когда находилась я в СИЗО, по просьбе этих же оперативников (которые, по словам Хмелевой, и сфабриковали ее уголовное дело — МЗ) мне поставили профучет. Вызвала меня оперативница в СИЗО и предложила сотрудничество. Я сказала, что я не буду вашей, извините, сукой оперской. Она разозлилась: «Я тебе устрою!». Это в СИЗО 77/6, Москва, на Шоссейной (СИЗО «Печатники» — МЗ). Из СИЗО с этим профучетом я уже поехала в ИК-13 [в Мордовии]. Там профучет мне каждый год продлевали.

Это самое страшное – профучет в колонии. Ночью приходят, снимают одеяло, фотографируют, практически восьмичасового сна спокойного нет, потому что как бы они тихо ни ходили, все равно просыпаешься каждый час. И первое время я вообще боялась ночью. В ИК-13 я сидела пять лет. Отбывание — это, конечно, ад моральный для души.

[Начальником ИК-13] сначала был Нецкин Дмитрий Петрович. [Работники оперативного отдела] открыто говорили, что сотрудники ОБОП Западного округа [Москвы] ОРЧ №3 — твое оперативное сопровождение. До тех пор, пока ты не напишешь явку с повинной, у тебя будут неприятности в колонии.

Меня постоянно посещали сотрудники неизвестных структур, которые представлялись то сотрудниками центрального аппарата МВД, то сотрудниками

госбезопасности, то сотрудниками управления ФСИН. Всем им была интересна эта милицейская группировка, которая занимается наркотиками. Я говорю: «Нет, я буду только официальные давать показания, либо никаких».

Бить меня не били, потому что боялись адвокатов. Родственники постоянно приезжали. Я была не бесхозной. Первые восемь месяцев я не переступала порог столовой, потому что была очень безобразная еда, невкусная и воняла. Я жила на своих передачах.

В ИК-13 сначала горячей воды не было. Мы грели ведра кипяtilьниками, мылись из ведер. Потом после многих комиссий провели горячую воду. В ИК-13 одежда была ужасная, мы мерзли постоянно. Было наказание такого вида: после бани отряд могли на холод выставить. Мастер не вышла на проверку, зам по БиОР (безопасности и оперативной работе — МЗ) Татьяна Беззубова узнала, и весь отряд после бани поставила на мороз. Полтора часа. 24 градуса или 26 было в тот день. Мы все замерзли, заболели очень сильно.

С Ингой Кривицкой я сталкивалась в ИК-13. Когда расформировали колонию №2, Кривицкая попала на ИК-13. Она приехала, и за ней приехал шлейф: «Будьте осторожны, она стукач, сотрудница администрации». Сразу она пошла к администрации, стала там правой рукой, передвигалась свободно, у нее были привилегии. Она работала мастером, была старшей у хозобслуги. Со слов осужденных, она гнобила девочек, над которыми имела старшинство.

Инга Кривицкая (Кварацхелия)

Провела в заключении 16 лет и два месяца, по ее словам, «за бытовуху». Освободилась в 2014 году, после чего вышла замуж и сменила фамилию Кварацхелия на Кривицкую. В октябре 2018 года учредила подставной правозащитный фонд «Русь сидящая», а в январе подала иск о защите чести и достоинства к главе движения «За права человека» Льву Пономареву и к руководительнице настоящей «Руси сидящей» Ольге Романовой за слова о пытках в мордовской ИК-2.

Однажды у нее даже произошла драка со Светой Череващенко или Череватенко. В ходе драки Кривицкая получила удар табуреткой по голове. Ее осужденные понесли на руках в санчасть. Она лежала там, ей зашивали рану. После выхода из санчасти она пыталась возбудить уголовное дело в отношении этой Светланы. Администрация отказалась. Объяснительные многие писали, [в том числе] активисты, что виновата Кривицкая. Ее невзлюбили за надменность.

Я говорю: «Как так получилось, что тебя избили?». Она говорит: «Зам по БиОРу — он не мужчина, он не офицер. Он слова своего не сдержал. Он обещал возбудить уголовное дело, не возбудил, он меня обманул». Я так поняла, у нее отношения испортились с администрацией ИК-13 и ее отправили в ЛПУ-21 (лечебно-профилактическое учреждение, тюремная больница в Мордовии — МЗ) отбывать срок до конца. Она там была тоже дневальной, сотрудничала с администрацией.

Остальные дневальные говорили: «Кварацхелия пишет доносы на нас, вообще житья нет никакого».

Там есть разные иерархии осужденных. Я ни к одной не принадлежала, поэтому злились очень, пытались втянуть в ту иерархию, где были в основном нетрадиционной ориентации — их называют коблы, ковырялки.

Вот эти активисты по просьбе запреты (предметы, хранение которых запрещено законом или правилами колонии — МЗ) могли подложить. Три раза мне подкладывались запреты. Два раза я опередила обыск. А в третий раз я заточенное полотно (лезвие — МЗ), обнаруженное в пищевых продуктах, отнесла начальнику колонии, на стол положила и говорю: «Дмитрий Петрович, сколько у вас будет продолжаться это?».

Его впоследствии посадили якобы за получение отката. Вся мордовская ветка получает откаты, он, видимо, кому-то дорогу в управлении перешел. Если бы был документально оформлен [весь труд], то осужденные получали бы по 15-20 тысяч зарплату.

Дело Дмитрия Нецкого

Начальника женской ИК-13 в Мордовии Дмитрия Нецкого сотрудники ФСБ задержали в сентябре 2014 года. Его обвинили в получении взяток в особо крупном размере (пункт «в» части 5 статьи 290 УК). По версии следствия, глава колонии, которая специализировалась на пошиве одежды для силовиков, получал откаты от коммерческих

фирм, общая сумма взяток составила 1 млн 800 тысяч рублей.

В апреле 2016 года Zubovo-Polyanskiy суд Мордовии приговорил Нецкина к 11 годам колонии строгого режима.

А там зарплата была 200-300 рублей. Максимальное, что я получила однажды – 700 рублей. Первые восемь месяцев я работала на промзоне. Условия были ужасные, работали сверхурочно, по 16-18 часов. А потом сняли с работы всех склонных к побегу и посадили в отряде. Мы ходили, 11 человек с разных отрядов, в дежурную часть каждый час отмечаться.

Я вела себя спокойно, старалась все [делать] законным путем, написала очень много жалоб – за весь срок 770 жалоб. Практически все ответы: «нарушений не обнаружено». Я подозревала, что эти жалобы даже не уходили никуда, а где-то в подвале напечатаны ответы однообразные.

[Оперативники из управления ФСИН Мордовии] открыто говорили, что «ты очень опасна для нашей системы, слишком грамотна, много пишешь, успокойся, мы тебе гарантируем, что ты до конца срока не освободишься, потому что очень большие люди заинтересованы, чтобы ты сидела, звонят, выпрашивают, как ты сидишь».

Фото: Антон Карлинер / «Медиазона»

No pasaran на газете «Казенный дом»

Потом меня перевезли «по оперативным соображениям» в ИК-14 [в мордовском поселке Парца]. Там вызвал замначальника по БиОР Юрий Куприянов и сразу предупредил: «Если какие-то возникнут проблемы, приди в кабинет, скажи, мы на месте все решим, а если будешь плохо себя вести, у нас есть тут ШИЗО».

У нас были хозработы, и я видела эти камеры ШИЗО и СУС. Там такая открытая камера, насквозь продуваемая, называют девочки «американка». Она специально под пытки, чтобы человек заболел. В этой камере нет дверей, есть решетка – все насквозь. После нескольких комиссий, вызванных [Надеждой] Толоконниковой, ШИЗО утеплили. По-прежнему холодно, но батареи там горячие, и осужденные, чтоб согреться, весь день сидят около батареи.

Хасис тоже сидела в ШИЗО в начале срока, ее сразу морально сломали этим ШИЗО. Я у нее спрашивала:

«А что ты так боишься ШИЗО? Что там, так страшно?». Она говорит: «Там не страшно, там очень холодно, поэтому лучше туда не попадать».

Евгения Хасис

Ультраправая активистка, создательница фонда «Русский вердикт» и подруга создателя «Боевой организации русских националистов» ([БОРН](#)) Никиты Тихонова.

19 января 2009 года участвовала в убийстве адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой. В 2011 году после вердикта присяжных Мосгорсуд приговорил Хасис к 18 годам колонии, она отбывает наказание в ИК-14.

В 2014-2015 годах во время судов по делам других участников БОРН давала против них показания.

Я ничего не боялась совершенно, и Куприянову сказала, что я не буйная. Он меня распределил в отряд профучетный, где были камеры установлены, и активистов больше всего.

Вывели меня сразу на промзону на работу, труд был тяжелый, нужно было стоять и заниматься обрезкой. Потом перевели на легкий труд, так как у меня было много заболеваний. Я сидела занималась фурнитурой, я обрезала резинки там, сноровку клапанов, пришивала пуговицы к свитерам, подшивала юбки. Меня не выводили сверхурочно,

потому что у меня был профучет, а остальные все работали с семи утра до часа ночи.

Первое время, где-то месяца четыре, нас заставляли писать заявления «по собственному желанию» и выводили по выходным дням, потом я забунтовала, написала в прокуратуру жалобу, что нас заставляют работать сверхурочно, это пытки: вонючий грязный запыленный цех, машинное масло нюхать. Они изъяли мою жалобу, вызвал начальник ИК-14 Александр Кулагин и сказал: «Ты не будешь работать лишнее время и в выходной тебя никто не будет выводить, не жалуйся сиди».

Затем, в 2012 году, я столкнулась с Толоконниковой на ИК-14, и она тоже подняла бунт, потому что их заставляли работать сверхурочно. Ее поддерживало всего несколько человек. Я в том числе, Ксения Иващенко. Активисты 600-700 подписей собрали, якобы у нас в колонии все прекрасно. Обманывали людей: якобы это вы расписываетесь за получение прокладок, мыльных принадлежностей. И все не глядя расписывались против Толоконниковой. Я отказалась расписываться.

Письмо Надежды Толоконниковой

Участница Pussy Riot Надежда Толоконникова, в 2012 году она была осуждена на два года лишения свободы за акцию в храме Христа Спасителя, провела основную часть срока в ИК-14.

В сентябре 2013 года [было опубликовано](#) письмо Толоконниковой, в котором рассказала о рабских условиях труда в колонии, насилии

над заключенными и угрозах замначальника ИК-14 Юрия Куприянова: «Плохо тебе уже точно никогда не будет, потому что на том свете плохо не бывает». ФСИН в тот раз не нашла нарушений, а Толоконникову, которая из-за давления администрации объявила голодовку, перевели в другую колонию.

Дело против Куприянова возбудили лишь спустя пять лет, в декабре 2018 года по заявлению о рабском труде от другой заключенной, Индиры Багаевой. Его обвинили в превышении должностных полномочий (часть 1 статьи 286 УК). «По всей видимости, Толоконникова была права», — признал замдиректора ФСИН Валерий Максименко.

Меня вызвали в кабинет начальника колонии, и один из оперативников говорит: «Если ты будешь с ней общаться, то мы с тобой будем общаться, ты не боишься этого?». Я говорю: «Нет, я ничего не боюсь. Толоконникова права. Она выложила изнанку зоновской жизни, [если] вам это не нравится, тогда прекратите издевательства над осужденными». Меня вывели из кабинета. Я услышала, как они решали, что со мной делать: «Она неугомонная, она жалобщица номер один, в ШИЗО ее нельзя, потому что туда она затребует прокурора, объявит голодовку».

Меня на следующий день быстренько отправили в ЛПУ-21 на три месяца. Лечения никакого, просто в хирургию положили. За эти три месяца туда привозили покалеченных, избитых, в основном с ИК-2 [в поселке Явас в Мордовии]. С синяками, с переломами, у одной ключица выломана, у

другой пятка разбита, у третьей нога, носовая перегородка сломана. Этих осужденных тут же вызывали оперативные сотрудники, под диктовку которых они писали: «упала сама», «получила травму сама». Они нам по секрету рассказывали, что их избивают активисты и сами сотрудники ИК-2.

Продержали меня там три месяца, и вдруг туда привозят Надю Толоконникову. Из роддома выселили осужденных и за ночь оборудовали прослушку, видеокамеры – как аквариум. Привезли туда Надежду, и надзирательницей над ней поставили Кварацхелию Ингу, тоже активистку, правую руку начальника ИК-2.

Она за ней надзирала, нас не подпускала. Я написала на газете «Казенный дом» [слова] «No pasaran», передала Наде. Она поняла, что это я, попыталась со мной общаться, а тут Кварацхелия побежала в оперативный отдел, быстренько сообщила. Меня вызвали, стали запугивать: «Ты почему общаешься с Толоконниковой?!». Вспомню – как в детском саду. Я говорю: «Дайте официальную бумагу, что я не имею права общаться с Толоконниковой». И тут они поняли, что я все равно с ней буду общаться. Через неделю где-то меня вывозят в ИК-14.

Фото: Антон Карлинер / «Медиазона»

«Стали бойкотировать шитье»

В ИК-14 условия были лучше, чем в ИК-13. Меня привезли в 2012 году после того, как туда привезли Толоконникову. Администрация засуетилась. В первом отряде сделали полный ремонт. Завезли кровати, провели воду горячую. И то за счет осужденных все.

Намного режим стал слабее. Куприянов добрее стал, все удивлялись его доброте. [Начальник ИК-14] Кулагин сбежал, и колония стала бесхозной, постоянно менялись врио. Где-то около двух лет не было начальника после того, как Толоконникова уехала.

Затем стал Сергей Романов начальником колонии. Он раньше в управлении [ФСИН по Мордовии] работал. Он гуманист, он всех жалел, к нам мягко относился. Но если он кого-то невзлюбит, человек попадает уже. Романов не подписывал выходы [на работу] осужденных сверхурочно. Когда только что-то очень

важное. Сделал восьмичасовой рабочий день. Потом обнаружилось, что план не выполняют, колония в банкротстве.

«Я была личной швеей управления ФСИН Мордовии». Рассказ заключенной, по заявлению которой уволили начальника ИК-14 Куприянова

Романов выходил в отпуск, приходил врио Куприянов, и опять с восьми до часа ночи шили. Осужденные тоже уловили такую фишку, стали бойкотировать шитье. Постоянные конфликты, драки, ужасно. Толпой нападают активисты, бьют тех, кто высказывает желание не работать сверхурочно: «Мы, бригада, выходим, шьем до часу ночи, а ты не хочешь». Я несколько раз спасала осужденных.

Затем меня перекидывали по разным отрядам по доносам. Так в пяти или в шести отрядах я побывала. Каждый отряд был в напряжении, потому

что каждый час приходили сотрудники-контролеры, которые фотографировали меня [из-за профучета]. Администрация делала так, что меня ненавидели заключенные.

В одном отряде с Хасис сидела. С первых дней у нас с ней были плохие отношения, потому что она пыталась на меня наехать. Она открыто в толпе говорила: «Я ненавижу чурок, всех бы уничтожала». А я ей говорю: «А сама-то ты кто? Ты чурками нас называешь, только за это можно тебя не уважать. Посмотри, у тебя волос черный, кучерявый, глаза черные, кожа смуглая. Правильно, Россия для русских — а ты что, русская? Для всех, может быть, ты и звезда, а для меня ты никто, ты хрен собачий». И тут сразу отряд разделился надвое.

Такие у нас отношения были плохие с ней. Она ходила к Куприянову, с ним была в хороших отношениях. Она не скрывает, что она помогает администрации ИК-14, потому что человек хочет по УДО уйти.

[Потом] Хасис стала более мягкой. Она в Москву выезжала, давала показания против участников БОРН, сидела в камерах с кавказцами. Она мне даже стала нравиться, суждения такие хорошие у нее. Умно. Грамотно, умно рассуждает. Отношения наладились, но каждый сам по себе: она работала швеей, считалась лучшей в колонии. Больше она меня не притесняла. Чурками не обзывала больше никого.

«Это вичевая умирает, у нее агония»

В ИК-13 при мне умерло три человека, я помню точно. Немка Иоланта Ритц, мы с ней дружили.

Она колола инсулин, у нее был маленький шприц германский. В один прекрасный день был обыск, и у нее этот аппарат отдел безопасности изъял. Был вечер пятницы, субботу-воскресенье она не получала инсулин. В воскресенье ночью она выла, плакала. Ее положили в бокс в санчасти, и она умерла в ванной. Приезжала прокуратура, проверяла, все замяли. И там два человека еще умерло якобы своей смертью от сердечной недостаточности.

В ИК-14 очень много было вичевых. Работают больные люди с утра до часу ночи, не выдерживает иммунная система, не все могут выйти и принять лекарства — это же надо вызвать дежурную сопровождать. Мастера, бригадиры их не выпускали. В основном вичевые умирали, было несколько случаев.

В один день мы на проверке стояли. Такие вопли душераздирающие, я не выдержала и говорю контролеру: «Вы что там, человека пытаете? Что за крики?». Это, говорит, вичевая умирает так, у нее агония предсмертная.

Второй случай, вот когда Оглы Елена умерла. Она отказывалась выходить [на работу] после четырех часов, хотела пить ВИЧ-терапию каждый день. На этом основании ее избили пять или шесть человек. В санчасть принесли на носилках избитую. Составили бумагу, что она якобы умерла от сердечной недостаточности, больна была ВИЧ. [Санитарка] Елена Федорова рассказала прокурору, что у нее были гематомы, отбиты бока.

На игле. В ИК-14 по-прежнему требуют завышенных норм пошива, на недовольных оказывают давление, а для получения медпомощи женщины вскрывают себе вены и даже глотают иголки.

Прокурор тоже замаял это все, и после его ухода эту Лену Федорову запрессовали. Все-таки каким-то образом она отправила жалобу [в прокуратуру]. Потом возбудили проверку служебную в отношении Куприянова, но жалоба Федоровой умерла в кабинете явасского отделения УФСБ. Я говорю: «Отделение УФСБ — друзья Куприянова?». «Ну да, они его крышуют, друзья». Это со слов осужденных, сотрудников.

Меня в этот пресс-отряд тоже закинули. Я отказалась выходить в воскресенье на работу. Мне сказали: «В третьем отряде у Людмилы Княгининой побудешь — будешь нам пятки целовать, чтоб мы тебя вернули». И все подходят в столовой из других отрядов,

поддерживают: «Ты держись, ты не бойся. Если она начнет бить — сразу кричи». Они немножко не рассчитали, что я сама занималась спортом и не из робкого десятка. Каждый час контролеры приходили отмечать меня, как склонную к побегу.

Тут старшина Княгинина взвыла: «Куда от тебя деться, тебя специально сюда внедрили!». Я говорю: «Да, меня специально управление внедрило. У тебя в отряде убивают, что-то у тебя не то». Я это при всех стала озвучивать шутя просто. Старшина на меня: «Ты мне не навязывай мысли такие!». Но относилась ко мне с уважением.

Актив колонии — они между собой очень сплоченные, они друг другу как бы передают ненависть, любовь к осужденным. Тут одна осужденная ко мне обратилась, что ее избили и она хочет жалобу написать. Я ей говорю: «А другие варианты? Тебе не дадут житья в колонии. В другой отряд перекинут тебя — еще хуже».

[Она ответила]: «Я хочу уехать в Цивильск, в лечебную колонию». Я говорю: «Напиши заявление и предложи, что ты можешь забрать его, если тебя отправят [в Цивильск]». Действительно, ей пошли навстречу, чтобы она не писала жалобу по поводу избиения на Княгинину.

Фото: Антон Карлинер / «Медиазона»

«СПЧ веры никакой нет»

[В марте 2014 года] приехала Мария Каннабих (член Совета по правам человека — МЗ). Я записалась на прием. Она сидит напротив. Я поздоровалась. «Садитесь». Рядом сидит [замначальника колонии] Куприянов. Она: «Какие у вас жалобы, заявления?» Я говорю: «Я не знаю, сможете ли вы мне помочь. Меня сотрудники ОБОП Западного округа Москвы посадили по сфабрикованному делу». Она перебила меня, говорит: «Напишите жалобу [министру внутренних дел] Владимиру Колокольцеву».

Я говорю: «Колокольцеву писать на его сотрудников, чтобы меня добили?». Она говорит: «Вы напишите обязательно, я рассмотрю». Куприянов меня заткнул, начал говорить: «Она новенькая у нас». Показывает такие знаки, что я ненормальная.

А я сижу перед Каннабих, у меня такие черные синяки. [За день до приема] нас выводят с работы, и внезапно я потеряла сознание, упала, очень сильно ударилась

и разодрала лицо. Каннабих даже не задала вопроса. Может, меня там избили. Меня заткнули быстро и вывели. Я пришла осужденным рассказала все. Они говорят: «Все, СПЧ веры никакой нет».

За почти 11 лет, пока я находилась в Мордовии, я видела два раза региональные общественные наблюдательные комиссии (ОНК). На ИК-13 я один раз видела наблюдательную комиссию, когда умерла Иоланта Ритц.

В пятый отряд ИК-14 приехала ОНК в 2016 году. Пришли с замначальника воспитательного отдела, посмотрели цветочки домашние. Старшина любила разводить комнатные растения, я ухаживала за этими цветами. Похвалили: «Ой, какие молодцы, как хорошо у вас, уютно». Замначальник спрашивает: «Есть жалобы, заявления?» Все молчат. Нам до того сказали: «Вот только попробуйте что-нибудь сказать». Члены ОНК особо ничем не интересовались и ушли.

Туберкулезные вспышки несколько раз были в колонии, потому что всех содержат в общих отрядах. Вывозили осужденных, потом отряд дезинфицировали хлоркой. Я даже ожог легких получила однажды.

Выдавали витаминки, аскорбиновую кислоту и тубазид и неозиозид. Заставляли нас под конвоем в столовой пить тубазид. В первый день я приняла тубазид, мне было очень плохо, спутанное сознание какое-то. Многие возмущались, не хотели пить, выбрасывали в мусорку. Выходим, мусорный ящик полный этими таблетками. Кто-то пил, а кто-то нет.

